

УДК 94(520)

РНТИ 03.91

Корейские погромы после землетрясения 1923 г. в Японии

Korean pogroms in Japan, 1923

Гайкин Виктор Алексеевич,

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

Отдела Японии и Кореи Института истории, археологии

и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН

Аннотация

В статье впервые в отечественной историографии даётся описание и анализ причин корейских погромов в Японии в сентябре 1923 г., коими стали 1. действия разных ветвей власти с целью перевода на корейскую диаспору вектора народного недовольства; 2. как бы стихийная, массовая, антикорейская истерия населения как результат индуктивно наведённой воли руководства страны.

Abstract

The article provides a description and analysis of the causes of Korean massacre in Japan in September 1923, which were 1. activity of the different branches of government in order to transfer to the Korean diaspora the vector of popular discontent, 2. like spontaneous, mass hysteria of the population as a result of induced inductively will of the establishment of the country.

Ключевые слова: Япония, землетрясение в Канто, корейские погромы, корейская диаспора, дзикэйдан, полиция, роль СМИ.

Keywords: Japan; earthquake in Kanto; massacre of Koreans; the Korean diaspora; dzikeydan; the police; the role of media.

Рис.1. Токио после землетрясения

1 сентября 1923 г. серия подземных толчков встряхнула восточную часть Канто, самого густонаселённого индустриально развитого региона Японии. Семь префектур были затронуты стихийным бедствием, максимальные разрушения и потери были в г. Токио, столичной префектуре и в префектуре Канагава. Только в Токио и Иокогама погибли 80 тысяч чел., 40000 чел. были ранены. Начальник Токийского управления полиции Акаикэ Ацуси, участвовавший в усмирении «Рисовых бунтов» 1918 г. (массовые волнения населения из-за повышения цен на рис) считал, что нехватка продовольствия может снова стать причиной антиправительственных выступлений. Если сотни тысяч, пострадавших от стихийного бедствия, лишившихся жилья людей останутся без пищи «невозможно предугадать что они предпримут. Всё зависело от наших действий и альтернативы принятию экстраординарных (чрезвычайных) мер не было» – вспоминал позже главный полицейский Токио [5, 211]. Акаикэ на совещании рекомендовал ввести в Токио военное положение [7, 17].

Уже после полудня 1 сентября в г. Иокогама и г. Кавасаки начали циркулировать слухи о появлении групп, взбунтовавшихся корейцев (позже они были признаны ложными). 2 сентября в 15 ч. начальник отделения полиции в Томидзака (район Токио) сообщил в токийское управление полиции об аресте корейцев, которые вели себя асоциально, поджигали дома. Позже информацию проверили и нашли её не соответствующей действительности. Похожие сообщения поступали из полицейских участков в районах Токио – Сэтагая и Накано.

После аннексии Японией в 1910 г. Корея была включена в состав Японской империи. Однако, как отметил американский исследователь Edward W. Wagner., «корейские подданные Японии... не пользовались правами и привилегиями японских граждан» [4, 9]. Тем не менее,

право на въезд и проживание в Японии в качестве «гастарбайтеров» они получили, поэтому аннексия Кореи стала точкой отсчёта создания в Японии самой большой за пределами Кореи корейской диаспоры. В 1925 г. из 103 тысяч гастарбайтеров в Японии 54,5% составляли строительные рабочие; 28% – фабричные рабочие; 8,3% – шахтёры; 6,7% – слуги, домработницы; 1,8% – докеры (грузчики) [11, 9]. По мнению авторов, выполненного в МИДе Японии исследования «Положение корейцев в Японии в 1925 г.» (Тайсё дзюённэн тю ни окэру дзайрю тёсэндзин но дзёкё): «японцы рассматривали корейцев как низшую расу» [3, 34].

За пять лет до землетрясения Мидзуно Рэнтаро, как министр внутренних дел, участвовал в разработке комплекса мер, принятых правительством для подавления «Рисовых бунтов», после чего его стали рассматривать как специалиста по борьбе с гражданскими беспорядками. После подавления антияпонского «Первомартовского движения» 1919 г. в Корею и объявления в августе о переходе к «культурному управлению» он в сентябре был назначен гражданским губернатором Кореи под началом генерал-губернатора Сайто для руководства администрацией колонии, чем и занимался до июня 1921 г. И Мидзуно и Акаикэ вошли в историю как «усмирители» национально-освободительной борьбы корейцев в 1919 г. см. Frank Prentiss Baldwin Jr., The March first movement: Korean challenge and Japanese response, unpublished doctoral dissertation, Columbia university, 1969, p. 186-213 [4, 187].

Опыт «зачистки» Корейского полуострова после восстания сформировал у них отношение к корейскому народу и корейской диаспоре в Японии как к этносу, потенциально склонному к вооружённому мятежу, особенно опасному (для японского государства) во время природных катаклизмов, социальных потрясений, дезорганизации институтов власти. Поэтому их реакция на слухи об антиобщественном поведении корейцев во время землетрясения была предсказуемой.

Акаикэ, доверяя непроверенной информации о корейских инсургентах, считал, что большая часть диаспоры не будет вовлечена в беспорядки если своевременно обезвредить инициаторов волнений, поэтому он отдал приказ о жёсткой нейтрализации зачинщиков антиобщественных акций с участием корейцев [5, 216]. Министр внутренних дел Мидзуно также не был склонен подвергать сомнению сообщения об асоциальном поведении корейцев, поступавшие утром 2 сентября – «После обдумывания ситуации. . . я пришёл к выводу, что единственно правильным решением будет введение военного положения» [5, 11]. 2 сентября во второй половине дня военное положение было объявлено в Токио, и пяти прилегающих к нему районах, а 4 сентября этот чрезвычайный режим был введён в префектурах Сайтама и Тиба.⁴⁵ К 10 сентября численность, сосредоточенных в Канто войск, достигла почти 50000 чел [6, 388].

По мнению психологов: «Индукции идей способствует ситуация религиозной секты, закрытого тоталитарного общества, ... географической или культуральной (в том числе языковой) изоляции. Легче индуцируются дети и подростки, лица с низким интеллектом. В основе биологии индуцирования лежит эффект ...толпы, при котором конкретное поведение осуществляется быстрее, если оно наблюдается у других» [1, 13]. В контексте этой концепции можно предположить, что введение военного положения усилило антикорейские настроения, повысило «градус» кореанофобии, а последующие действия полиции и армии не оставили у населения сомнений в истинности, распространявшихся о корейцах слухов.

Полицейские в Токио и Иокогаме расклеивали объявления и распространяли листовки, призывая сбитых с толку обывателей быть бдительными ввиду возможности беспорядков и агрессии со стороны банд корейских инсургентов. Морияма Санэёси командир дивизии «Нарасино», введённой в город для усиления токийского гарнизона, 2 сентября после полудня отдал следующий приказ войскам под его командованием: «. . . В случае волнений вы должны пресекать действия людей, которые, пользуясь хаосом, нарушают общественный порядок. Если после получения предупреждения они отказываются подчиняться, вы можете использовать оружие» [7, 100]. В тот же день в 17 часов он в директиве для полиции обозначил нарушителей как корейцев, совершающих антиобщественные действия, констатируя, что уже было несколько арестов в районах Токио Оцука и Ёдобаси: «Позвольте напомнить о необходимости соблюдать бдительность и принимать решительные меры против этих корейцев» [8, 48].

2 сентября Гото Фумио начальник управления полиции Министерства внутренних дел дал указание военно-морской радиостанции в г. Фунабаси (префектура Тиба) отправить губернаторам префектур следующую радиограмму: «Организованные группы корейских экстремистов, используя стихийное бедствие в Токио, пытаются устраивать мятежи, занимаются поджогами, у некоторых корейцев были обнаружены бомбы. Частичное военное положение уже объявлено в Токио, мы просим, усилить скрытое наблюдение во всех регионах и принять решительные меры против активности корейцев» [7, 18]. Эти директивы МВД транслировались по всей стране.

Поскольку из-за стихийного бедствия распространение тиражей газет стало невозможным, Токио нити нити симбун и другие издания уже со 2 сентября начали печатать настенные газеты-листовки (плакаты), содержащие официальные уведомления государственных органов для населения. В одной из таких первых газет-плакатов содержался призыв создавать отряды самообороны для защиты от социалистов и корейских инсургентов [7, 92].

Американский социолог Стэнли Коэн в 1972 г. опубликовал книгу «Народные бесы и моральные паники: возникновение Модов и Рокеров». По мнению учёного, отдельные лица или группы могут в какие-то периоды в глазах народа воплощать образ врага. В общественном сознании они становятся по выражению Коэна «народными бесами»: «...группы индивидов могут быть определены как угроза социальным ценностям и интересам. Иногда объект паники — относительно новый, в другое время — нечто уже давно существующее и вдруг вышедшее на первый план.... Особая роль принадлежит массмедиа в формировании имиджа социальных проблем. Медиа выступают в роли агента морального возмущения (нравственного негодования) даже если они этого сами не осознают. Их способ предоставления определённых фактов может быть достаточен для возникновения определённого негодования, беспокойства или паники» [2, 1].

В атмосфере антикорейской истерии началось создание отрядов самообороны (дзикэйдан). Вслед за Токио и Иокогама (где они появились вечером 1 сентября), после введения военного положения 2 сентября эти вооружённые формирования были организованы и в других населённых пунктах региона Канто [10, 28-29.] К середине сентября в семи префектурах (Токио, Тотиги, Гумма, Ибараки, Тиба, Сайтама, Канагава) насчитывалось около 3700 таких отрядов самообороны [4, 174]. Чиновники не только инициировали создание дзикэйдан, но и способствовали их трансформации из добровольных ассоциаций взаимопомощи и самообороны в по существу вооружённые банды, основной целью которых было преследование корейцев.

Число корейцев убитых в регионе Канто в течение первой недели сентября 1923 было предметом серьёзных споров [8, 57]. Некоторые источники приводят цифру 6000 чел [12, 205-213]. Синхронный событию полицейский источник даёт цифру в 231 чел. убитых и 43 чел. раненых, но эти данные не включали в себя корейцев убитых полицейскими и военнослужащими [10, 53-55]. Пак Ген Сик пришел к выводу, что число убитых корейцев, по крайней мере в двадцать раз больше официальных цифр. [11, 149].

рис.2. Японцы над телами убитых ими корейцев

21 октября были опубликованы результаты проведенного в Токио полицейского расследования преступлений и антиобщественных поступков, вменяемых в вину корейцам, согласно которому 23-м корейцам были реально предъявлены обвинения. На самом же деле 16 из этих 23 найдены, идентифицированы и арестованы не были. Их имена полиции не известны. Из оставшихся 7-ми корейцев один покончил жизнь самоубийством, ещё двое совершили побег из тюрьмы, поскольку схватившие их японцы-члены отряда самообороны пытались убить своих пленников выстрелами из пистолетов, поиск с целью ареста ещё 4-х подозреваемых закончился неудачей [8, 57].

Полицейское расследование антикорейских погромов привело к аресту в Канто 600 – 700 членов дзикэйдан-участников массовых убийств [8, 60]. Не всем задержанным японцам были предъявлены обвинения, и в судебных процессах в префектурах Токио и Иокогама, которые шли до марта 1924 года в качестве обвиняемых участвовали только 125 человек. Из них двое были оправданы, 91 человек осуждены условно, и только 32 японца были приговорены к реальным срокам заключения [8, 61]. Максимальное наказание – четыре года каторги получили только двое [10, 59-60]. Большинство осуждённых были помилованы в связи со свадьбой кронпринца Хирохито в январе 1925 года [8, 60].

Феномен антикорейских погромов состоял из двух компонент: 1. Действия разных ветвей власти программного характера с заданными целями и средствами для их достижения; 2. как бы стихийная, массовая антикорейская истерия населения, которая на самом деле была индуктивно наведённой волей институтов власти. Руководство страны помнило Рисовые

бунты 1918 г. (массовые беспорядки, вызванные повышением цен на рис, сопровождавшиеся нападением на полицейские участки, рисовые склады, антиправительственными демонстрациями и т.д.) и чтобы исключить их повторение выбрало корейскую диаспору для перевода на иммигрантов вектора массового недовольства людей, потерявших дома, имущество, родственников во время страшного природного катаклизма.

Прямых приказов об убийствах корейцев не было, но были многочисленные директивы и инструкции о необходимости контроля, наблюдения, бдительности в отношении иммигрантов, закладывающие в массовое сознание почти аксиоматическое отождествление корейцев с врагами японского общества и государства. Инстинкт классового самосохранения правящей страты выражался в многочисленных, не обязательно управляемых из единого центра, не обязательно координированных акциях информационного (или скорее дезинформационного) характера, формирующих у японского общества образ врага, говорящего на корейском языке.

Антияпонские выступления 1919 г. в Корее нарушали привычный для японцев установленный порядок. В этом плане убийства корейцев носили в какой-то степени характер религиозно-кровавого обряда восстановления нормы, возврата к стабильности бытия, которую пытались нарушить иноземцы, посягнувшие Первомартовским восстанием на право японского императора управлять «неразумными детьми» (корейским народом). Этому способствовало сформировавшееся в затянувшуюся феодальную эпоху иерархическое мировидение японцев отводившее колонизованному корейскому народу вассальную нишу на нижней ступеньке этнополитической лестницы.

Этюя Риити, автор «Дневника рядового в районе землетрясения» описал действия, военнослужащих 13-го кавалерийского полка Нарасино, получившие печальную известность как инцидент Камэйдо: «Свою службу полк начал с проверок поездов. Офицер с обнаженным мечом проходил сначала по вагонам, а затем вдоль состава...Обнаруженные корейцы стаскивались на землю и погибали под ударами наших мечей и штыков. Японцы, кипя от негодования кричали «Банзай! Предатели! Убить всех корейцев!» [12, 285].

Обряды в язычестве призваны «исправить реальность» (например, вызвать выпадение осадков в засуху), преодолеть беспомощность человека перед непознаваемым миром, взять у природы реванш с помощью невидимых духов. В этом плане массовые убийства корейцев в чём-то были похожи на ритуальные человеческие жертвоприношения в империях мезоамерики (ацтеки, майя). На уровне подсознания язычниками-японцами двигало в том числе и неосознанное желание кровавыми жертвами умиротворить неподвластную стихию, предотвратить повторение ужасов землетрясения, страшных пожаров, напоминавших апокалипсис.

В газете Осака майнити было помещено мнение «известного юриста», защищавшего убийц, который утверждал, что было бы неправильным считать антикорейские действия членов дзикэйдан обычными преступлениями, поскольку это были действия не «здравомыслящих людей», а толпы в состоянии «временного помешательства». Задача адвоката выгородить подсудимого, «объяснить» мотивы его преступления, представив злодея жертвой обстоятельств или некоего кукловода. Но в этом случае довольно здравая аргументация «известного юриста» естественным образом порождает новые вопросы – кто инициатор, индуктор этого массового истероидного действия.

«Индукцированный психоз» – термин, введенный в оборот психиатрами конца 19 века, которые установили, что психические расстройства могут быть «заразными», передаваться во время обмена информацией. Подобно компьютерному вирусу массовый параноидный психоз, может охватить большие группы населения. В полицейском докладе о корейских погромах (Наймусё кэйхокёку хоанка. Тайсё дзюённэн тю ни окэру дзайрё тёсэндзин но дзёкё токио 1925) говорилось: «. . . циркуляция слухов о корейцах во время землетрясения, привела население в ярость и возбудила чувство враждебности к корейцам, что стало причиной вспышки насилия» [4, 198].

Одним из самых убедительных свидетельств об ответственности чиновников за распространение антикорейских слухов была информация не с левого политического фланга, как можно было бы ожидать, а от правых радикалов Уэсуги Синкити, профессор права Токийского университета, первый президент ультра-националистической организации Кэнкокукай (общество государственного строительства) выступил с критикой действий правительства в отношении корейской диаспоры. В статье, опубликованной в Кокумин симбун 14 октября 1923 г. Уэсуги, «выразив сомнение миллионов», утверждал, что а). полиция распространяла слухи; б). членам дзикэйдан было разрешено носить оружие и были основания полагать, что убийство корейцев было санкционировано; в. никаких попыток подавить насилие не предпринималось; г). сами полицейские незаконно арестовали и убили многих людей [7, 148].

Литература:

1. Психиатрия. Учебное пособие для студентов медицинских вузов / под ред. В. П. Самохвалова. — Ростов н/Д.: Феникс, 2002. 295 с.
2. Cohen Stanley. Folk Devils and Moral Panics. The Creation of the Mods and Rockers. Oxford: Basil Blackwell, 1972. 248 p.
3. Mitchell Richard. The Korean minority in Japan. University of California press. Berkeley and Los angeles, 1967. 285 p.

4. Weiner Michael. The Origins of the Korean Community in Japan, 1910-1923. Humanities Press International, Atlantic Highlands, New Jersey, 1989. 248 p.
5. Акаикэ Ацуси. Дайсинсай тодзи ни окэру сёкан (Мои мысли во время землетрясения в Канто) // Дзикэй (Муниципальная полиция). №51. ноябрь 1923. пэдзи 201-234.
6. Имаи Сэйити. Нихон но рэкиси (История Японии). № 23. Тайсё демокрасии (Эпоха демократии Тайсё), Токио: Тюо коронся, 1978. 393 пэдзи.
7. Кан Ток Сан. Гэндайси сирё 6. (материалы по новейшей истории) т.6. Канто дай синсай то тёсэндзин. (Великое землетрясение в Канто и корейцы) Токио: Киндайся, 1963. 607 пэдзи.
8. Мацуо Такаёси. Канто Дайсинсай ка но тёсэндзин гякусацу дзикэн. дзё (Массовые убийства корейцев во время Великого землетрясения Канто. ч.1) Сисо (Идеология). № 471. сентябрь 1963. пэдзи 30-48.
9. Мацуо Такаёси, «Канто Дайсинсай ка но тёсэндзин гякусацу дзикэн. гэ. (Массовые убийства корейцев во время Великого землетрясения в Канто ч. 2). Сисо (Идеология). № 476. февраль 1964. пэдзи 102-125.
10. Наймусё кэйхокёку (Министерство внутренних дел управление полиции). Тайсё дзюнинэн кугацу цуйтати синсайго кэйкай кэйби иппан (Действия полиции после землетрясения 1сентября 1923 года). Токио: Наймусё. без даты. 209 пэдзи.
11. Пак Кэн Сик. Дзайнити тёсэндзин ундоси (Социально-политическая история корейцев в Японии). Токио: Санити сёбо, 1979. 386 пэдзи.
12. Такахаси Синъити и др. Рэкиси но синдзицу: Канто дай синсай то тёсэндзин гякусацу (Правда истории: землетрясение в Канто и убийства корейцев). Токио: Санити сёбо. 1975. 258 пэдзи.